

УДК 001.2 + 001.3 + 001.5 + 101

Н. В. Бряник

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ — «ТЕНЕВОЙ КАБИНЕТ» ФИЛОСОФИИ НАУКИ?

В статье ставится проблема возможности рассмотрения феноменологии как оригинальной концепции в области философии науки. Обосновывается равноправный статус феноменологии науки в ряду других течений неклассической философии науки. Рассматривается трактовка Э. Гуссерлем кризиса науки рубежа XIX–XX вв., а также новоевропейского типа научной рациональности. Раскрывается его позиция в понимании предмета философии науки; приводятся аргументы, позволяющие ему отождествлять философию науки с феноменологически понятыми психологией и теорией познания.

Ключевые слова: философия науки, феноменология науки, концепция науки, кризис науки, науки о духе, научный тип рациональности, критерии научности, феноменологическая психология, неклассическая психология, неклассическая гносеология, натурализм/объективизм, историцизм.

Среди современных отечественных философов достаточно распространено мнение о том, что гуссерлевскую феноменологию вряд ли можно рассматривать как особую концепцию в рамках философии науки. В завершающем разделе хрестоматии «Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада», достаточно востребованной в кругу специализирующихся в области философии науки, — в разделе, который посвящен только феноменологии, во вводных замечаниях к разделу — отмечается: «Восходящая к Э. Гуссерлю феноменология до сих пор присутствовала в философии науки в виде “теневого кабинета”. Ввиду своей радикальности она указывала на весьма заманчивую перспективу строгой и высококритической философии науки. Но этой перспективе не суждено было реализоваться. Современная философия науки до сих пор испытывала воздействие феноменологии не в большей мере, чем

какого-либо другого течения гуманитарной философской мысли, во всяком случае не в более чем восходящей к Дильтею герменевтики. <...> За последние годы в отношениях между феноменологией и философией науки наметилась новая тенденция. В ряде работ стала высказываться идея феноменологической философии науки, отвечающей аутентичному прочтению идеи Э. Гуссерля о феноменологическом обосновании науки» [6, 358–359].

Оценка, на мой взгляд, осторожная и двойственная. С одной стороны, сам факт публикации одного из произведений Э. Гуссерля (1859–1938) в хрестоматии по *современной* философии науки свидетельствует о признании идей данного мыслителя в развитии философии науки (обращаю внимание на то, что текст его помещен в разделе, ориентирующем *на горизонты развития* философии науки, и на то, что из всех философов выбран только Э. Гуссерль, ведь он один представлен в данном разделе), но с другой стороны — признается, что «феноменология до сих пор присутствовала в философии науки в виде “теневого кабинета”». Эту фразу нельзя понимать иначе, как отрицание всякого реального ее влияния, а по сути и ее востребованности в философии науки до 90-х гг. XX столетия. Ведь в данном случае «теневого кабинета» понимается вовсе не в том политическом смысле данного концепта, когда остающиеся в тени структуры (наподобие «мирового теневого правительства») на самом деле вершат происходящее, а скорее в том его значении, когда подразумевается некая альтернатива доминирующей линии развития, имеющая шанс (и только!) стать реальностью.

В данной оценке выражена определенная позиция в понимании самой философии науки. Из нее следует, что философию науки представляют только те направления, которые модны и востребованы философствующей публикой в тот или иной период времени. А поскольку в философии науки долгое время господствовала (а может быть, и до сих пор господствует) позитивистская традиция, то появляется соблазн отождествить философию науки с позитивистским подходом. Что касается отечественной философии, то надо признать, что в период советской философии, особенно в 50–70-е гг., исследования науки в духе неопозитивизма позволяли философам уйти от идеологической апологетики и сознать себя на уровне *научной* философии. Не будем забывать к тому же, что переводы текстов самого Э. Гуссерля появляются достаточно поздно. (Допускаю даже, что если бы они и присутствовали в философском пространстве указанного времени, то вряд ли бы стали ходовыми из-за их сложности, терминологической и идейной.)

Отстаиваемая мною позиция заключается в том, что к философии науки мы должны относить все те концепции, которые *реально* существуют в философии, сопровождая развитие собственно самой науки, независимо от того, стали они популярными или остались незамеченными философствующей публикой. Хотя, что касается Э. Гуссерля, вряд ли кто-то посмеет заявить, что он остался незамеченной фигурой, — без преувеличения можно сказать, что XX столетие прошло под знаком Э. Гуссерля.

Итак, мы исходим из того, что Э. Гуссерль создал своеобразную концепцию науки, причем его философия науки не какая-то отдельная часть его

общефилософской конструкции, — основные положения гуссерлевской феноменологии так или иначе находят отражение в его воззрениях о науке, которые представляют собой целостную, последовательно развитую *концепцию науки*. Высказанные суждения нам и предстоит обосновать.

Веским аргументом являются сами произведения Э. Гуссерля. Наука — постоянный объект его интересов, начиная с первой работы «Философия арифметики» (1891), далее — «Логические исследования» (1909) (где, как он считает, им разработано «наукоучение», трактуемое буквально как учение о науке), «Философия как строгая наука» (1911), «Феноменология и основания наук» (третий том основополагающего труда Э. Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии»), «Формальная и трансцендентальная логика» (1929), работы последнего десятилетия его жизни, в том числе «Кризис европейских наук и трансцендентальной феноменологии». Здесь специально выбраны издания, в названиях которых фигурирует понятие «наука» в той или иной своей представленности. Но и в тех сочинениях, в названии которых не присутствует слово «наука», она всегда в центре размышлений философа. Приведу только отдельные примеры, поскольку самые значимые для нашего исследования работы будут упомянуты в ходе наших дальнейших рассуждений. Так, в «Картезианских размышлениях» (1929) уже изначально (в первом размышлении) говорится: «Ведущей идеей наших размышлений будет... идея науки, которую следует обосновать в радикальной подлинности» [1, 57]. А если взять, на мой взгляд, один из самых общедоступных текстов Э. Гуссерля — его лекцию «Кризис европейского человечества и философия» (слова «наука» здесь нет в названии доклада), прочитанную за два года до смерти, то и здесь в центре внимания — наука.

Поэтому на вопрос, который поставлен в ранее заявленной хрестоматии: «Станет ли феноменология, трактовавшаяся в 1928 г. Р. Карнапом как ненаучная метафизика, отвергнутая в 1969 г. В. Штегмюллером как “путь в мистику” и игравшая до сих пор лишь эпизодическую роль в философии науки, одним из направлений этой области исследований?» [6, 364] — ответ может быть дан изначально (предваряя все последующие рассуждения) и однозначно: феноменология с момента своего возникновения в лице ее основателя является мощным направлением в философии науки, но при этом ее, конечно, нельзя свести к философии науки или отождествить с ней. Кстати, даже в поставленном вопросе в известном смысле ставится под сомнение оценка об изолированности феноменологической концепции науки, в нем явно зафиксировано хоть и негативное, но все же внимание оппонентов к взглядам Э. Гуссерля. Он активно вступал в полемику со своими оппонентами, отстаивая собственное понимание науки.

Надо оговорить еще один момент. Конечно, феноменологическая философия не сводится к гуссерлевской, но исследование феноменологической концепции науки с учетом ее эволюции и достаточно широкого круга ее представителей (М. Шелер, М. Хайдеггер и др.) — тема самостоятельного рассмотрения.

Итак, нет никакого сомнения в отнесении гуссерлевской позиции к философии науки. От какого лица (в данном случае я имею в виду — от лица философа или ученого) предстает феноменология науки? Мне трудно судить о соб-

ственно научных достижениях Э. Гуссерля, но он проявляет глубокие познания не только в области самих строгих и точных наук — в математике, логике и математическом естествознании, но и в психологии (ее истории и современном состоянии), науках о духе. Реже он привлекает конкретные данные из таких областей знания, как химия, биология, география, некоторых технических наук. Нет сомнения, что он блестяще знаком с философией — ее историей и ее современным состоянием. Поэтому трудно сказать, к какому разряду отнести феноменологическую концепцию науки: она одновременно вырастает и со стороны науки, и со стороны философии. Тем самым он творчеством своим продемонстрировал неразрывность философии и науки (принципиальная важность для него подобной установки еще будет предметом обсуждения).

И с самого начала представим гуссерлевское видение *современной ему науки*.

Те оценки науки, которые мы встречаем у Э. Гуссерля, выдают в нем неординарного и масштабного мыслителя. Конечно, основные его работы написаны уже в XX в., когда он достиг возраста зрелого мыслителя, но, видимо, не только этот фактор, а в первую очередь способность к глубоким размышлениям позволила ему представить науку в очень неожиданном свете. Если основной круг мыслителей при рассмотрении событий в науке конца XIX — начала XX в., как правило, сравнивают их с тем, что происходило в классический период, то Э. Гуссерль задает *контекст истории европейского человечества*. Он пытается понять, насколько те изменения, которые происходят в науке, отвечают самой «телеологии европейской истории» (это словосочетание можно истолковать как целевую устремленность — ориентацию, заданность и т. п. — европейской культуры). При подобной масштабности ему удается оставаться в условиях реальности: он учитывает дискуссии по поводу науки в современной ему философии, он чуток к умонастроению образованных кругов, которые прошли через горнило Первой мировой войны и поэтому весьма своеобразно реагируют на видимые достижения науки, он прекрасно осведомлен об отношении к философским оценкам науки и корпоративных установках в среде самой научной интеллигенции. Кроме того, не будем забывать, что по базовому образованию он математик, то есть знает о событиях в науке не понаслышке и не *глядит* на нее снизу вверх, как это нередко делают философы, а оценивает ее с полным *сознанием* дела.

Э. Гуссерль дает емкую и неоднозначную оценку событиям современной ему науки. Мыслитель отмечает: «Исходным пунктом является сдвиг, произошедший в последние столетия, во всеобщей оценке науки. Он... относится к тому значению, которое наука имеет и может иметь вообще для человеческого существования. Исключительное — таков эпитет, характеризующий, начиная со второй половины XIX в., влияние позитивных наук на мировоззрение современного человека. Это завораживающее влияние растет вместе с «благополучием», зависящим от позитивных наук» [2, 53]. В этом патетическом утверждении тем не менее все точно: фиксируется кардинальное изменение роли науки, достигающее до трансформации ее миссии в условиях человеческого существования, что отражается в сознании людей признанием исключительности науки; при этом под наукой понимаются позитивные науки, которые имеют прямой выход

к реальности, — позитивные науки находят непосредственное практическое применение, влияющее даже на повседневную жизнь людей. К этому же кругу суждений можно отнести и следующее, лишь усиливающее и конкретизирующее отмеченное: «Математическое естествознание — это чудесная техника, ведущая к выводам такой силы, такой правдоподобности, детальности и точности, о которой прежде нельзя было и помыслить. Это достижение — триумф человеческого духа» [3, 123]. Позитивные науки произрастают на почве математического естествознания, которое в концентрированном виде являет собой строгость и точность, а только эти свойства науки и позволяют ей претворяться в реальность. Наряду с техникой, он называет науку чудом современного мира. И обозначает свое время как «время строгих наук, ставших объективно могучей силой» [5, 166]. Так происходит потому, что религиозная вера сменилась *верой* только *в реальность* (по-моему, эта вера сохраняет свое значение и в наши дни, отсюда напористое вытеснение духовности прагматизмом), а ее способна удовлетворить именно наука, поскольку она сегодня и есть самая наипрочнейшая реальность.

И все-таки здесь достаточно односторонне воспроизведена его позиция в отношении к современной ему науке. Другой круг его суждений свидетельствует *о кризисе науки*. В самом факте признания кризиса науки рубежа предыдущих веков Э. Гуссерль не оригинален; подлинный интерес вызывает то, как он трактует это состояние. В осмыслении кризиса он столь же глубок и масштабен, сколь и в объяснении мировых достижений науки. Во-первых, философ идентифицирует его с кризисом именно *европейских* наук и, во-вторых, рассматривает эту ситуацию в контексте кризиса всей современной ему европейской культуры. Знакомство с текстами философа не позволяет однозначно судить, является ли кризис негативным для науки событием.

Последуем за его аргументами. Он намеренно заостряет вопрос, формулируя его таким образом: «Действительно ли существует кризис наук при всех их постоянных достижениях?» [2, 51]. И начинает он с выяснения смысла понятия кризиса: «Кризис какой-то науки означает, что ставится... под сомнение ее подлинная научность, весь ее способ постановки задач и методология» [Там же]. Если так, то вправе ли мы рассуждать о кризисе позитивных наук, в первую очередь математического естествознания (представляющего собой стержень позитивных наук), строгость которого принимается за образец научности, а результаты не перестают восхищать своим успешным применением на практике. Ответ, казалось бы, очевиден. Подобный же вопрос правомерно поставить и в отношении так называемых наук о духе. И здесь мы, скорее всего, получим ответ об эффективном и продуктивном развитии в интересующий период комплекса гуманитарных наук, которые опираются на психологию, а она, в свою очередь, развивается с опорой на методы строгого анализа, уподобляясь позитивным наукам.

Но ответ самого Э. Гуссерля неожиданен, поскольку он переводит проблему в иную, непривычную плоскость рассуждений. Да, видимым проявлением кризиса стал подрыв новыми открытиями в области физики, математики и других наук устоявшихся теорий, но это лишь поверхностный эффект событий. Он

предлагает заглянуть вглубь происходящего — ведь нельзя измерять науку только масштабом ее практических успехов. Самое важное и существенное основание при философском рассмотрении науки — оценка ее *жизненной значимости*. Он считает, что современная ему наука утратила именно свое жизненное значение. В этом видит он суть кризиса, потрясающего сам смысл науки. Приведем одно из характерных рассуждений Э. Гуссерля, подтверждающих данную оценку: «Наука, понятая лишь как эмпирическая наука, формирует эмпирически-ориентированных людей. Переворот в общественной оценке науки был неизбежен; особенно после окончания мировой войны. Как известно, молодое поколение прониклось прямо-таки враждебным отношением. Наука — и это постоянно можно слышать — ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека... а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования... Что может сказать наука о разуме или неразумии, о человеке как субъекте свободы? Физическая наука, разумеется, ничего. <...> Что же касается наук о духе... то они, как полагают, в соответствии с нормами строгой научности, требуют от исследователя исключения всех ценностных установок. <...> Научная, объективная истина состоит исключительно в констатации фактичности мира, как физического, так и духовного. Но может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактичности?..» [2, 53].

Без некоторых пояснений оценка, данная Э. Гуссерлем, может быть воспринята не более чем красивый жест; обратимся к ним. Для него такой уникальный феномен, как наука, зарождается в истоках древнегреческой культуры. Наука появляется в *неотрывной* связи с философией: античная наука и философия — это некое слитное единство, представляющее по своей сути особое *теоретическое отношение к миру*. Научно-философское (=теоретическое) отношение к миру революционизирует жизнь древнегреческого народа и закладывает основы уникальности всей европейской культуры. Теоретическое отношение к миру позволяет критично воспринимать все происходящее, пропускать все события через жернова разума, ориентированного на надсубъектную истину. *Теоретически ориентированная наука* за счет ее близости к философии, а по сути неотделимости от нее, способна была ставить предельные вопросы бытия, связанные со смыслом человеческого существования. Эта наука являла собой *особый тип рациональности*, который оказался подорванным в условиях Нового и Новейшего времени. Теоретическая установка науки, понятая в этом смысле, оказалась излишеством, — для получения практически значимого знания достаточно эмпирически ориентированной науки, поскольку только она способна поддерживать веру в реальность. В XVII и XVIII столетиях этот тип науки набирал силу, а уже во второй половине XIX века новый тип научной рациональности дал свои пышные плоды: практическая жизнь европейского общества оказалась полностью зависимой от эмпирической (=позитивной) науки. Поэтому пересмотр одних конкретных теорий (к примеру, механики Ньютона), замена их другими (такими, как теория относительности Эйнштейна) — это все внутренние дела уже радикально изменившейся науки.

Вот чем объясняется увязка Э. Гуссерлем кризиса науки с «эмпирически ориентированными людьми» и «фактичностью мира». *Кризис науки для него — это кризис того типа научной рациональности, а вместе с ней и рациональности всей европейской культуры, который сложился в Новое время.* Конечно, «эмпирически ориентированные люди», которые изо дня в день, как муравьи, добывают факты (подобное отношение к науке Э. Гуссерль называет «научным фанатизмом»), не принимают рассуждения мыслителя как чуждые и непонятные. Люди науки, как правило, и кризис-то в ней не замечают. А поскольку Э. Гуссерль еще предъявляет им какие-то обвинения и требования, то и они не остаются в долгу — у них тоже есть свои идеологи, которые устами, например, Р. Карнапа называют философию Э. Гуссерля «ненаучной метафизикой».

Действительно, без учета сказанного почти как загадка звучит гуссерлевская мысль: «Однако предпосылкой этого понимания (понимания кризиса науки. — Н. Б.) должно стать усмотрение феномена “Европа” в его центральном, сущностном ядре» [2, 58]. Поэтому *для него* кризис науки означает не крушение европейского рационализма, а серьезный сбой одной из его разновидностей — *новоевропейской рациональности*. В образной форме свою позицию он заявляет так: «Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума» [Там же]. В этой фразе выражено резкое несогласие с иррационально-мистическими умонастроениями интеллигенции, ярким выразителем которых, по его мнению, является О. Шпенглер, поскольку использованы слова из названия его весьма шумевшего сочинения («Закат Европы»). Почему в возрождении европейского рационализма должна сыграть свою роль философия, тоже понятно: как мы уже упоминали, философия непосредственно связана с зарождением европейской рациональности. «Героизм разума» вполне уместен, когда речь идет о духе европейского *рационализма*. А вот в каком смысле надо понимать натурализм и почему его надо преодолевать, — об этом разговор пойдет далее.

Не будем поднимать слишком объемного вопроса о традиции, которую наследует феноменология науки. Достаточно сослаться на имена, которые приводит сам Э. Гуссерль еще в «Логических исследованиях», выясняя для себя «точки соприкосновения с великими мыслителями прошлого». Это Кант, Лейбниц, к которым надо, безусловно, добавить Декарта (здесь не все имена, которые он в той или иной связи приводит, а только наиболее известные). Их подбор позволяет вполне определенно охарактеризовать феноменологию науки как *рационалистическую версию философии науки*, против чего, наверняка, сам мыслитель не стал бы возражать, потому что весь пафос его философии направлен на поддержание и сохранение доминирующей роли Разума в человеческой жизни.

Один из необходимых уточняющих моментов, без которого нельзя раскрыть основные положения феноменологической философии науки Э. Гуссерля, связан с выяснением того, как он аргументирует *потребность науки в философии*. И одновременно с этим можно понять, в чем, по его мнению, заключается *цель философии науки*.

Он задается этими вопросами с первых своих исследований. И мы встречаемся с разными по степени сложности обоснованиями занятой им позиции, хотя суть его ответов одна и та же. Поскольку в таком случае мы имеем возможность выбора, то обратимся к одному из конкретных его разъяснений на этот счет. На последних страницах «Логических исследований» мы находим обстоятельные размышления по вопросу о том, для чего нужна философия науке. А поскольку он в ту пору еще не оторвался от «пуповины» математики, то его внутренняя беседа с самим собой предстает как воображаемый *диалог математика и философа* (чувствуется, что уже в этот период Э. Гуссерль «примеряет» на себя обе роли).

Приведем это пространное рассуждение, поскольку оно освобождает от необходимости что-то комментировать, а главное — данное рассуждение (что вовсе не характерно для данного мыслителя) весьма прозрачно по смыслу. Он пишет: «Если разработка всех подлинных теорий принадлежит к области математики, *что же тогда останется философу?* <...> Математик на самом деле не есть чистый теоретик, а лишь изобретательный техник, как бы конструктор, который, имея в виду только формальные связи, строит свою теорию как произведение технического искусства. Как практический механик конструирует машины, не нуждаясь в законченно ясном знании сущности природы и ее закономерности, так и математик конструирует теории чисел, величин, умозаключений, многообразий, не нуждаясь для этого в окончательном уразумении сущности теории вообще и сущности обуславливающих их понятий и законов. Сходно обстоит дело и во всех “специальных науках”... Наряду с изобретательной и методической работой отдельных наук... необходима постоянная “*познавательная-критическая*”, *составляющая дело одного только философа рефлексия*, которая руководится одним только чисто теоретическим интересом... *Философское исследование... ставит себе совершенно иные цели*. Оно не хочет вмешиваться в дело специалиста-исследователя, а *стремится уразуметь смысл и сущность его действий в отношении метода и вещи*. Философу недостаточно того, что мы ориентируемся в мире, что мы имеем законы как формулы, по которым мы можем предсказывать будущее течение вещей и восстанавливать прошедшее; он хочет привести в ясность, что такое... “вещи”, “события”, “законы природы” и т. п.... философ спрашивает, в чем сущность теории, что вообще делает возможной теорию и т. п. *Лишь философское исследование дополняет научные работы естествоиспытателя и математика и завершает чистое и подлинное теоретическое познание. Ars inventiva специального исследователя и познавательная критика философа суть взаимно дополняющие друг друга научные деятельности, и только через них обеих получается полное и цельное теоретическое уразумение* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Н. Б.)». [4, 350–351]. В выделенных фрагментах Э. Гуссерль как раз и раскрывает предназначение философии науки.

С его точки зрения, философия необходима науке не после того, как она (наука) уже состоялась, а ей (философии) предоставляется возможность лишь все подытожить. Во все нет. По мнению мыслителя, без философской деятельности в принципе невозможно построение научных теорий. Рефлексия философа

органично вписывается в ткань научной теории, придавая осмысленность *предмету* научного исследования и его *методу*. Только при таком положении — включении философии в науку — мы имеем на выходе не технически понятую теорию, как совокупность механически сопологаемых формул и слов, а «полное и цельное теоретическое уразумение» — теорию, созданную разумом в подлинном смысле слова.

Обратим внимание: деятельность философа названа *познавательной-критической*. И критика направлена на самые существенные составляющие теории — *предмет* и *метод*, а уже в связи с ними и на все остальное. Остановимся на этом моменте несколько подробнее, поскольку здесь, как мне представляется, заложено понимание *характера* (=содержания) гуссерлевской философии науки. Вот одно из важных и в то же время типичных его рассуждений: «Пока мы находимся в естествознании и мыслим в его направлении, остается... незаменимой... критика опыта, которая ставит под знак вопроса весь опыт вообще и в то же время опытно-научное мышление. Как опыт в качестве сознания может дать предмет... как отдельные опыты с помощью других опытов могут оправдываться... а не только субъективно укрепляться; как игра сознания может давать объективную значимость, относящуюся к вещам, которые существуют сами по себе; почему правила игры сознания не безразличны для вещей... Как известно, той дисциплиной, которая хочет ответить на них, является теория познания» [5, 138].

Отождествив проблематику философии науки с теоретико-познавательной, он конкретизирует ее (проблематику) таким образом: «Если теория познания хочет... исследовать проблемы отношения между сознанием и бытием, то она может иметь при этом в виду только бытие как коррелят сознания, как то, что нами “обмыслено” сообразно со свойствами сознания: как воспринятое, воспомнутое, ожидавшееся, образно представленное, сфантазированное, идентифицированное, различенное, взятое на веру, предположенное, оцененное и т. д.... видно, что исследование должно быть направлено на научное познание сущности сознания, на то, что “есть” сознание во всех своих различных образованиях, *само* по своему существу, и в то же время на то, что оно “означает”, равно как и на различные способы, какими оно сообразно с сущностью этих образований... мыслит “предметное” и “выявляет” его как “значимо”, “действительно существующее» [Там же, 139].

В данном положении для оценки содержательной направленности концепции науки Э. Гуссерля можно выделить две составляющие. Одна из них связана с тем, что философия исследует предмет и метод науки через призму субъект-объектных отношений, выясняя, как *разные формы субъективности* (а опыт, на который полагается наука, неизбежно проходит через субъекта) *трансформируются* с помощью технически отлаженного механизма науки в нечто *предметное и объективно значимое*. Нет сомнения, что таким образом понятая философия науки представляет собой не что иное, как теорию познания. В различных произведениях мыслителя действительно рассматриваются вопросы о критериях научности, об идеальных объектах, о природе научной истины, научного понятия, научного метода, научной теории, об отличиях и сходстве наук по их

предмету и методу, о языке науки, о законах науки и научных предсказаниях и т. п. — все то, что относят к гносеологии.

Из этого следует вполне однозначный вывод: *по своему содержанию философия науки Э. Гуссерля гносеологична*. И, особо не уходя в историю, следует отметить, что именно в этой своей характеристике его позиция близка Канту.

Но мы не полностью раскрыли приведенное выше суждение, — вторая его половина привносит дополнительный смысл. В ней говорится о том, что философия науки должна быть направлена на познание *сущности сознания*. Это означает, что мы должны признать, что *гуссерлевская философия науки включает и психологическую составляющую*, ведь именно психология изучает различные образования сознания, способы их функционирования и в конечном счете саму сущность сознания.

Дойдя до этого признания, мы вынуждены будем обратиться к более обстоятельным пояснениям, касающимся психологии. Понятно, что речь у Э. Гуссерля идет об особом понимании психологии. Вообще, в том спектре наук, который в разных вариациях фигурирует в текстах Э. Гуссерля, психологии отводится особое место. Среди представителей философии науки неклассического периода нет другой фигуры, которая уделяла бы психологии столь огромное внимание, как он.

Почему важна психология для раскрытия содержательной характеристики философии науки Э. Гуссерля? Какое место он отводит ей среди наук, сформировавшихся к концу XIX в., и какую роль сыграла психология в тех событиях, которые были квалифицированы им как «кризис» науки?

В развитии психологии, которая приобретала самостоятельность, постепенно отделяясь от философии в эпоху Нового времени, он выделяет два этапа. Первый связан с исследованиями психических явлений с помощью естественно-научных методов — физиологических, антропологических, физических, химических и др. Естественно-научные методы позволяли достигать строгости той же степени в представлении психики, что и при изучении объектов математического естествознания. Этот тип рациональности, имевший определенные положительные результаты, господствовал в психологии до последних десятилетий XIX в. и оказывал влияние на весь цикл наук о духе. Ведь последние обретали научность, полагаясь на критерии психологии как науки. Объясняется это тем, что сфера человеческой субъективности и все, что производно от нее (а это и есть предмет психологии), воспринимались как основание гуманитарных наук.

По мнению Э. Гуссерля, к концу XIX столетия *в психологии*, так же как и в других науках, возникает *кризисная ситуация*, может быть, более трагичная, чем в науках о природе. Трагичная в силу отмеченной зависимости наук о духе от психологии, а также из-за того, что мало кто осознавал к тому времени зависимость вообще всей системы науки от понимания сущности психического. Другими словами, Э. Гуссерль приходит к пониманию, что психология играет совершенно уникальную роль в целостной системе науки, а отсутствие подлинно научных методов исследования психических явлений не позволяет, как он считал, ни философам (в их число он включал и неокантианцев), ни представителям

конкретных наук осознать данную ситуацию. А это, безусловно, усиливало кризисное состояние всей науки, поскольку не было продвижения в поиске путей выхода из него.

Э. Гуссерль уверенно заявляет, что прорыв в этой ситуации совершает именно он. Опираясь на идеи предшественников (особую роль он отводит Ф. Brentano), он приходит к выводу, что «реальность духа как якобы реального придатка к телам, его якобы пространственно-временное бытие внутри природы — бессмыслица» [3, 122].

Данное высказывание требует разъяснения. Бессмысленным называет Э. Гуссерль подход, для которого психическое — это особая реальность, зависящая от телесной реальности и обнаруживающая все признаки материально производимой реальности (пространственно-временные, причинно-следственные и прочие характеристики). Для него «дух... существует в себе самом и для себя самого, независим, и в этой своей независимости... может изучаться истинно рационально, истинно и изначально научно» [Там же, 125].

Уточним, что под духом здесь понимается сфера психического в той его разновидности, которая ответственна за мир культуры и человеческое творчество. Следовательно, Э. Гуссерль настаивает на самодостаточности и независимости психического от телесности, от всякой физиологии, а тем более от физических параметров мира и пр. (Не могу не упомянуть позицию В. И. Ленина на этот счет. Ведь прошедшие через горнило марксистско-ленинской философии обучались активно отстаивать принцип материалистической обусловленности сознания и человеческой психики в целом. Поскольку произведение «Материализм и эмпириокритицизм» было написано в 1909 г., то в нем, разумеется, отсутствует критика идей непосредственно самого Э. Гуссерля, но позиция Р. Авенариуса, утверждавшего независимость сознания от высшей нервной деятельности, мозга, заклеена классиком марксизма-ленинизма как «безмозглая» философия.) Для самого Э. Гуссерля *научный подход к психическому* возможен только при условии, что психическое берется само по себе, в чистом виде, в том числе и без выяснения закономерностей воздействия на него мозговых процессов.

Тогда что оно собой представляет? Мы находим такие характеристики: «психическое есть... неограниченный поток феноменов» [Там же, 150]; со своей стороны, *феномен* есть то, что приходит и уходит, при этом не оставляя после себя и следа какого-либо бытия — того, что можно было бы хоть как-то ухватить естественно-научными методами. Духовный (=психический) *акт* (здесь оказывается сомнительной уместность любого понятия, как то: «деятельность», «процесс», «событие», поскольку все они по смыслу предполагают какой-то результат, т. е. оставляют за собой некий бытийственный след) — это некое «*имманентное созерцание*», когда «мы переходим от феномена к феномену (каждый из которых есть единство в потоке и сам завлечен потоком) и никогда не приходим ни к чему, кроме феноменов» [3, 150].

Теперь понятно, почему подобная трактовка психического получает у него название *феноменологической психологии*. Он проводит четкое разграничение *объективистско-натуралистического типа рациональности* предшествующей пси-

хологии от феноменологического и считает, что только последний и представляет собой подлинный путь к научной теории разума, истинный тип научной рациональности, а значит — позволяет психологии преодолеть ситуацию кризиса.

Далее в логике его рассуждений появляется принципиально значимый момент, фиксирующий преодоление границ традиционной психологии: «Когда имманентное созерцание и вещный опыт получают словесное выражение, вступают в известное отношение находившийся в созерцании феномен и познанная в опыте вещь... Все это носит название: “сознания о” и “имеет” “смысл” и “мыслит” “предметное”» [3, 150].

Это важный момент, потому что здесь гуссерлевская психология смыкается с теорией познания, — она объясняет, как появляется предметное содержание в человеческом сознании. Предметная наполненность сознания возникает от соединения имманентного созерцания, вещного опыта (который, конечно, является прямой противоположностью имманентного созерцания) и процедуры словесного обозначения. Поэтому-то феноменологическая психология и исследует направленность сознания на предметы, приобретая название *интенциональной феноменологии*.

В человеческом познании, и в первую очередь в научном познании, мы потому способны достигать объективности знаний и обретать истину, что «созерцание созерцает *сущность*» [Там же, 152]. Что значит сущность? Приведем только один из его примеров. Он пишет: «Подобно тому как можно непосредственно слышать звук, можно созерцать “сущность”, сущность “звука”, сущность “вещного явления”, сущность “видимой вещи”, сущность “образного представления” и т. д. и, созерцая, высказывать сущностные суждения» [Там же, 154]. Феноменологическая психология как наука и ориентирована на исследование сущностей.

В связи с этим Э. Гуссерль коренным образом пересматривает отношение психологии к естественным наукам. Если формирование психологии как науки шло через подражание методам естествознания из-за признания телесной зависимости сознания («естествознание сознания»), то Э. Гуссерль, наоборот, утверждает, что природа как объект естественных наук сама есть продукт исследующего природу духа и поэтому естествознание зависит от наук о духе и должно полагаться на феноменологию как подлинную науку о духе («феноменологию сознания»). Вот один из его тезисов по поводу соотношения природы и духа: «дух здесь не в природе или возле нее, но сама она (природа. — Н. Б.) возвращается в сферу духа» [Там же, 125].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что *интенциональная феноменология* — это одновременно *неклассическая психология* и *неклассическая теория познания*. Она позволяет, с точки зрения Э. Гуссерля, преодолеть кризисную ситуацию не только в психологии, но во всей системе наук. Достигая имманентного созерцания сущностей, изучаемых естественными и гуманитарными науками, и посредством этого проникая в основания науки, интенциональная феноменология и становится философией науки. При этом гносеологическая и психологическая составляющие, которые раскрывают специфику содержания

феноменологической концепции науки, не рядоположены, а являются сторонами органически целостной позиции. И только подобный подход позволяет наружить и осмыслить новый, *неклассический, тип научной рациональности*.

Нельзя обойти и вопрос о том, кого он считает своими оппонентами в области *философии науки*. Сам Э. Гуссерль именно в такой постановке вопрос перед собой не ставит — он чаще полемизирует по проблематике философии как таковой, но мы уже определились с тем, что гуссерлевская феноменология во всем ее своеобразии одновременно предстает и как его философия науки. Но вот по сути своей сформулированный нами вопрос для него далеко не праздный. Уже при рассмотрении статуса психологии в его концепции мы убедились, что все в ней пропитано духом идейного противостояния с *объективизмом и натурализмом* в понимании этой области научного знания. Есть все основания считать, что именно натурализм и является той философией и методологией, которую Э. Гуссерль категорически не приемлет и в противовес которой он разрабатывает собственную концепцию.

В обоснование высказанной оценки приведем его собственные соображения. Завершая свой жизненный путь, осмысливая пути и предназначение европейской культуры и ее сердцевину — философии, он итожит: «Старые и новые философии были и остаются наивно объективистскими» [3, 121]. Старые и новые философии для него в данном случае вписаны в отрезок Нового и Новейшего времени. И подразумевает он под ними различные разновидности и многообразные проявления позитивистской философии, общей установкой которых является натурализм или объективизм (что для него одно и то же), характеризуя их оценочным эпитетом, который Э. Гуссерль не устает повторять, — «наивный»: *наивный натурализм, наивный объективизм*. Следовательно, позитивизм для него есть наивная философия.

Не будем входить в детальное пояснение отмеченного, назовем только две главные, с его точки зрения, разновидности объективистского подхода — «*натурализм*» и «*историцизм*». Соответственно представители первой разновидности являются идейными оппонентами мыслителя в области естественных наук, представители второй — в области наук о духе, а объединяющие их негативные моменты уже названы. Приведем гуссерлевское толкование данных позиций.

И натурализм, и историцизм возникают вместе с рождением сначала наук о природе, а затем и наук о духе: «Натурализм есть явление, возникшее как следствие открытия природы — природы в смысле единства пространственно-временного бытия по точным законам природы. Наряду с постепенной реализацией этой идеи во все новых и новых естественных науках, обосновывающих массу строгих познаний, распространяется и натурализм. Совершенно сходным образом вырос позднее и историцизм, как следствие “открытия истории” и обоснования все новых и новых наук о духе» [5, 133]. Поскольку научности в данных областях знания достигали, полагаясь в первую очередь на упрямые факты, свидетельствующие о самой реальности, постольку научность и объективность отождествили. От лица науки это сделали философы-позитивисты, попытавшиеся и в самой философии устоять на этих же позициях — научности и объективности. Вот этой своей ориентацией на факты, на конкретику и опыт

натуралисты и историцисты и вызывают неприятие и критику Э. Гуссерля: «Натуралисты и историцисты борются за мирозозерцание; но и те и другие с различных сторон прилагают свои усилия к тому, чтобы перетолковать идеи в факты, а всю действительность, всю жизнь превратить в непонятную безыдейную смесь “фактов”. Всем им присуще суеверие фактичности» [5, 170].

Если идеи и мысли — это только какая-то комбинация (пусть даже в трансформированном и существенно обработанном виде) фактов, а разум полностью «укладывается на поверхность опыта», то из философии исчезает то, что делает ее философией, — смысл. Вот поэтому Э. Гуссерль говорит о том, что позитивисты обезглавливают философию, при этом не умаляя и того, чем наука Нового и Новейшего времени была обязана позитивизму. Но негативные оценки историцизма и натурализма явно преобладают, а в теоретическом отношении они для него являются разновидностями *релятивизма и скептицизма*, что для Э. Гуссерля верх «философского неприличия».

Нам теперь понятно, какую позицию в философии он противопоставляет наивности объективизма: «Натуралистический объективизм и любой объективизм вообще она (феноменологическая философия. — Н. Б.) преодолевает единственно возможным способом, а именно: философствующий начинает от собственного Я, понимаемого чисто как производитель всех смысловых значений, по отношению к которым он становится чисто теоретическим наблюдателем. В этой установке возможно построение абсолютно независимой науки о духе в форме последовательного самопонимания и понимания мира как продукта духа» [3, 125].

В феноменологии науки фактам противопоставляются смыслы, опоре на опытно-экспериментальные основания — теоретическая позиция, объективизму — собственное Я и самопонимание, а научности законов природы, понятой как она есть сама по себе, — понимание мира как продукта духа.

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.

2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Там же.

4. Гуссерль Э. Логические исследования // Там же.

5. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Там же.

6. Печенкин А. А. Вводные замечания // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996.